

Кострюк (2)

Созывал он почётный пир,
Созывал он князьёв-бояр,
Не позвал Кострюка́-Мастрюка́,
Свово шурина любезного.
Приходил шурин по́сле всех,
Он садился повыше всех;
Он не пьёт и не кушает,
Бела лебедя не рушает,
Он сидит — думу думает.

Государя-т похаживает,
Он на шурина поглядывает:
«Ой ты, шурин, ты шурин мой,
Ой ты, шурин любезный мой!
Что́ ты не пьёшь и не кушаешь,
Бела лебедя не рушаешь?
На царя ли лихо думаешь,
На царевну ль благоверную,
Али на весь на крещёный мир?» —
«Ни на кого я лихо не думаю,
Ни на царя, ни на царевну благоверную,
Только думаю об своей буйной голове:
Что я семьдесят семь земель изошёл,
По себе я борца не нашол,
По себе борца, удалова молодца!»
Выходил-то Грозный царь,
Царь Иван, сударь, Васильевич,
Выходил он на н́овое крыльцо,
Воскричал он громким голосом своим:
«Ино есть ли у меня борцы,
У меня борцы, уда́лы молодцы?
Приходили б к государю во дворец,
Побороться с Кострюко́м-Мастрюко́м,
С моим шурином любезным!»

Из села-то Кулебакина,
Из деревни из Опáльшиной,
Выходили-то два братца,
Да два братца, два родимые,
Два Андрея два Андреича:
Одевались в одёженьку лёгонькую,
Обувались они в портяночки тоненькия,
Во лапотки частенькие,
В балахоньчики лёгонькие,
Они идут путём-дорогою,
Они шуточки пошучивают,
Они друг дружку попи́хивают.
Приходили к государю во дворец,
Воскричали громким голосом своим:
«Ино где у тебя борцы,
Ино где борцы, уда́лы молодцы́?»
Грозный царь Иван Васильевич:
«Вот пришли борцы, уда́лы молодцы́!
Ох ты, шурин, ты, шурин мой,
Ох ты, шурин, любезный мой!
Ино вот тебе хлеб-соль на столе,
Ино вот тебе борцы на дворе,
Ино вот борцы, уда́лы молодцы́!»
Уж Кострюк-Мастрюк бросается,
Он бросался — семь столов повалил,
И он семьдесят господ задавил.

Как с больш́им братом схватилися,
Они три часа водилися;
Низёхонько поклонилися,
Честнёхонько расхватилися:
«Ох ты, братец, ты, братец мой,
Ох ты, братец, родимый мой!
Хочь ты родом-то повыше меня,
Да ты силкой-то пониже меня!»
Как с меньшим братом схватилися,
Они часу не водилися,
Не честнёхонько расхватилися,
Не низёхонько поклонилися:
Уж он первую поші́бочку пошиб, —

С Кострючи́шка колпачишко сшиб;
Он другую-то пошибочку пошиб, —
С Кострючи́шка сапожи́шки сшиб,
Уж и бился он — рубился
Не об ста рублях, не об тысяце,
Они билися-рубилися
Об своих буйных головушках:
Кто кого смóжет, того рвать-щипать,
Того рвать-щипать, до нага́ обдирать.
Уж он третью-то пошибочку пошиб, —
Подымал-то он повыше себя,
Опускал-то он пониже себя;
Уж он начал его рвать-щипать,
Его рвать-щипать, до нага́ обдирать:
«Грозный царь Иван Васильевич!
Не во гнев бы вашей милости,
Что деру штаны атласныя!»

Что глядит-то государыня
Из косящета окошечка:
«Ты, крапива, ты, крапива блядь,
Вы крапивныя се́мены!
Много вас было насеяно,
Да не много уродило́ся!»
Грозный царь Иван Васильевич:
«Ох ты, баба, ты, баба блядь,
Ох ты, баба, ты бабья знать!
Чтó глядишь ты в косящето окно,
Да не чёрт ли тебя спрашивает?»

Защекотáла сорóченькой,
Полетела с каменнóй Москвы.

(Записано 1833, августа 20, Киреевским П. В.)

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.